



Франц Кафка

Созерцание
Рассказы из сборника

Перевод с немецкого
Соломона Апта, Веры Топер

ФТМ



Франц Кафка

Созерцание. Избранное (сборник)

«ФТМ»

Кафка Ф.

Созерцание. Избранное (сборник) / Ф. Кафка — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-3022-3

Сборник «Созерцание. Избранное» выдающегося писателя и философа – сложного, абсурдного и шокирующего Франца Кафки в переводе Соломона Константиновича Апта один из трёх сборников, опубликованных при жизни Франца Кафки. Сборник включает известнейшие рассказы, новеллы и повести «Гигантский крот», «Внезапная прогулка», «Дорога домой», «Пассажир», а также другие избранные новеллы и повести Франца Кафки.

ISBN 978-5-4467-3022-3

© Кафка Ф.

© ФТМ

Содержание

Блюмфельд, старый холостяк	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Франц Кафка

Созерцание. Избранное (сборник)

Блумфельд, старый холостяк

Блумфельд, старый холостяк, поднимался однажды вечером в свою квартиру, что было нелегкой работой, ибо он жил на седьмом этаже. Поднимаясь, он часто в последнее время думал о том, что эта жизнь в полном одиночестве довольно тягостна, что сейчас он должен буквально тайком подняться на эти семь этажей, чтобы добраться до своих пустых комнат, там опять-таки буквально тайком надеть халат, закурить трубку, почитать французскую газету, которую он уже много лет выписывал, выпить при этом глоток-другой самодельной вишневой настойки и, наконец, через полчаса лечь в постель, но прежде полностью ее перестелить, поскольку не внимавшая никаким наставлениям служанка укладывала постельные принадлежности всегда как ей взбредет в голову. Блумфельд был бы очень рад, если бы кто-нибудь сопровождал его, если бы кто-нибудь наблюдал за этими его занятиями. Он уже давно думал, не завести ли ему собаку. Такому животному свойственна веселость, но прежде всего благодарность и верность; у одного коллеги Блумфельда есть такая собака, она никого не признает, кроме своего хозяина, и если она его несколько минут не видела, то встречает его громким лаем, явно выражая этим свою радость по поводу того, что снова нашла своего хозяина, такого необыкновенного благодетеля. Конечно, у собаки есть и свои скверные стороны. Даже если она очень чистоплотна, она загрязняет комнату. Это неизбежно, нельзя же каждый раз, прежде чем возьмешь ее в комнату, купать ее в горячей воде, да и здоровье его этого не вынесло бы. А грязи у себя в комнате Блумфельд тоже не выносит, чистота комнаты – нечто совершенно необходимое для него, много раз на неделе он ссорится с не очень, к сожалению, педантичной в этом вопросе служанкой. Поскольку она туга на ухо, он обычно тянет ее за руку к тем местам комнаты, чистота которых не удовлетворяет его. Такой строгостью он добился того, что порядок в комнате приблизительно соответствует его желаниям. А заведя собаку, он прямо-таки добровольно развел бы в своей комнате грязь, от которой до сих пор так старательно защищался. Появились бы блохи, постоянные спутники собак. А уж если заведутся блохи, то недалек и тот миг, когда Блумфельд оставит собаке свою уютную комнату, а себе поищет другую. Нечистоплотность, однако, – это только одна отрицательная сторона собак. Собаки еще и болеют, а в собачьих болезнях никто, в сущности, не смыслит. Тогда это животное забивается в угол или еле волочит ноги, скулит, кашляет, давится от какой-то боли, его укутывают одеялом, насвистывают ему что-нибудь, поят его молоком, ухаживают за ним, надеясь, что дело идет, как то и бывает, о кратковременном недуге, а между тем это может быть серьезная, противная и заразная болезнь. Но даже если собака останется здоровой, она когда-нибудь состарится, а ты не решился избавиться от своего верного друга вовремя, и наступит время, когда слезящимися собачьими глазами на тебя взглянет собственная твоя старость. А тогда придется мучиться с полуслепым, задыхающимся, почти неподвижным от ожирения животным и дорого платить этим за радости, которые тебе прежде доставляла собака. Как ни хотелось бы Блумфельду завести собаку сейчас, он предпочитает еще тридцать лет в одиночестве подниматься по лестнице, чем потом возиться с таким старым псом, который, вздыхая еще громче, чем он сам, будет рядом с ним тащиться со ступеньки на ступеньку.

Итак, Блумфельд останется один, у него нет наклонностей старой девы, желающей иметь рядом с собой какое-нибудь подвластное живое существо, которое она может защищать, с которым она может быть нежной, которое она всегда готова обслуживать, так что для этого ей достаточно кошки, канарейки, а то и золотых рыбок. А если это не получается, то она доволь-

ствуется даже цветами перед окном. Блюмфельду же нужен спутник, нужно животное, о котором не надо особенно заботиться, которого невредно и пнуть иногда ногой, которое при нужде может переночевать и на улице, но которое, как только у Блюмфельда появится такая охота, будет ублажать его лаем, прыжками, лизаньем рук. Чего-то в этом роде хочется Блюмфельду, а поскольку, как он понимает, получить это без слишком больших неудобств нельзя, он от этого отказывается, но по своей основательности время от времени, например, в этот вечер, возвращается все к той же мысли.

Вынимая наверху перед своей дверью ключ из кармана, он обращает внимание на шорох, доносящийся из его комнаты. Станный, дребезжащий шорох, но очень бойкий, очень равномерный. Поскольку Блюмфельд думал как раз о собаках, это напоминает ему шорох, который создают лапы, когда они попеременно стучат по полу. Но лапы не дребезжат, это не лапы. Он поспешно открывает дверь и зажигает электрический свет. К этому зрелищу он подготовлен не был. Это просто волшебство, два маленьких, белых в синюю полоску целлулоидных мяча прыгают по паркету рядом вверх-вниз; когда один ударяется о пол, другой в самом верху, и свою игру они ведут неустанно. Когда-то в гимназии во время известного электрического опыта Блюмфельд видел, как прыгают сходным образом маленькие шарики, но это относительно большие мячи, они прыгают в пустой комнате, и никакого электрического опыта не производится. Блюмфельд наклоняется к ним, чтобы получше их рассмотреть. Это несомненно обычные мячи, внутри у них, наверно, еще несколько мячей поменьше, и они-то и издают этот дребезжащий звук. Блюмфельд делает движение рукой, чтобы проверить, не подвешены ли они на каких-то нитках, нет, они движутся совершенно самостоятельно. Жаль, что Блюмфельд не ребенок, два таких мяча были бы для него радостным сюрпризом, а сейчас это производит на него скорее неприятное впечатление. Ведь не такое уж и нестоящее дело – жить на правах незаметного холостяка только тайком, а теперь кто-то, неважно – кто, раскрыл эту тайну и подослал к нему эти смешные два мяча.

Он хочет схватить один из них, но они отступают от него и заманивают его в комнату, вслед за собой. Совсем, однако, глупо, думает он, бегать так за мячами, он останавливается и смотрит, как они, поскольку погоня, кажется, прекратилась, тоже остаются на том же месте. Но я все-таки попытаюсь поймать их, думает он, затем снова спешит к ним. Они тотчас же обращаются в бегство, но Блюмфельд, расставляя ноги, загоняет их в угол комнаты, и перед чемоданом, который там стоит, ему удастся поймать один мяч. Это холодноватый маленький мяч, он вертится в его руке, явно стремясь выскользнуть. И другой мяч тоже, словно видя беду своего товарища, подпрыгивает выше, чем прежде, и все повышает прыжки, пока не допрыгивает до руки Блюмфельда. Он ударяет его по руке, ударяет, прыгает все быстрее, меняет точки атаки, затем, бессильный против руки, которая целиком охватила мяч, подпрыгивает еще выше и хочет, вероятно, достичь блюмфельдовского лица. Блюмфельд мог бы поймать и этот мяч и оба где-нибудь запереть, но сейчас ему кажется слишком унижительным принимать такие меры против двух маленьких мячей. Да это же и забава – иметь два таких мяча, к тому же они довольно скоро устанут, закатятся под шкаф и угомонятся. Несмотря, однако, на это соображение, Блюмфельд в гневе швыряет мяч на пол, удивительно, что его тонкая, почти прозрачная целлулоидная оболочка при этом не разбивается. Без промедления оба мяча возобновляют прежние низкие, взаимно согласованные прыжки.

Блюмфельд спокойно раздевается, развешивает одежду в шкафу, он всегда проверяет, оставила ли все в порядке служанка. Раз-другой он смотрит через плечо на мячи, которые, когда их перестали преследовать, сами теперь, кажется, преследуют его, они подвинулись вслед за ним и прыгают теперь рядом сзади. Блюмфельд надевает халат и хочет пройти к противоположной стене, чтобы взять с висящей там подставки одну из трубок. Поворачиваясь, он непроизвольно выбрасывает назад ногу, но мячи ухитряются увернуться, и он их не задевает. Когда он теперь идет за трубкой, мячи сразу присоединяются к нему, он шаркает туфлями, ступает

неровно, но за каждым его шагом следует почти без паузы звук мячей, они не отстают от него. Блюмфельд неожиданно поворачивается, чтобы посмотреть, как это умудряются делать мячи. Но как только он поворачивается, мячи описывают полукруг и оказываются уже снова позади, и это повторяется, как только он повернется. Как свита, они стараются не задерживаться перед Блюмфельдом. Однажды они осмелились на это, по-видимому, только чтобы представиться ему, а теперь уже приступили к своим обязанностям.

До сих пор во всех исключительных случаях, где у него не хватало сил овладеть положением, Блюмфельд прибегал к одному средству: он делал вид, что ничего не замечает. Это нередко помогало и большей частью, по крайней мере, улучшало положение. Вот он и теперь ведет себя так же, стоит перед подставкой, выбивает, выпятив губы, трубку, особенно основательно набивает ее табаком из лежащего наготове кисета и, не беспокоясь, предоставляет мячам совершать прыжки у себя за спиной. Медлит он только пройти к столу, ему почти больно слышать одинаковый ритм прыжков и собственных шагов. Поэтому он стоит, набивая трубку ненужно долго, и рассчитывает расстояние, отделяющее его от стола. Наконец он преодолевает свою слабость и проходит этот отрезок с таким топотом, что вообще не слышит мячей. Когда он садится, они, однако, опять прыгают за его креслом так же внятно, как раньше.

Над столом на расстоянии вытянутой руки к стене прикреплена полка, где стоит бутылка с вишневой настойкой в окружении рюмочек. Рядом с ней лежит стопка номеров французского журнала. (Как раз сегодня пришел новый номер, и Блюмфельд берет его. О настойке он совсем забывает, у него и у самого такое чувство, словно сегодня он не отступает от своих обычных занятий только утешения ради, да и настоящей охоты читать у него нет. Вопреки своему обыкновению тщательно, страницу за страницей, перелистывать журнал, он раскрывает его наугад и находит там большую картинку. Он заставляет себя хорошенько ее рассмотреть. Она изображает встречу русского императора с президентом Франции. Встреча эта происходит на корабле. Вокруг вдали видно еще много других кораблей, дым из их труб рассеивается в светлом небе. Оба, император и президент, только что длинными шагами спешили друг другу навстречу и сейчас обмениваются рукопожатием. Позади императора и позади президента стоят по два господина. По сравнению с радостными лицами императора и президента лица сопровождающих очень серьезны, взоры каждой группы сопровождающих устремлены на ее повелителя. Гораздо ниже, действие происходит явно на самой верхней палубе, стоят, срезанные краем картинки, длинные ряды салютующих матросов. Блюмфельд постепенно начинает разглядывать эту картинку с большим участием, затем отводит ее на некоторое расстояние и смотрит на нее, сощутив глаза. Он всегда был охотник до таких великолепных сцен. То, что оба главных лица так непринужденно, сердечно и легкомысленно пожимают друг другу руки, он находит очень достоверным. Правильно и то, что сопровождающие – а это, конечно, очень высокие чины, их имена указаны внизу – подчеркивают своей осанкой важность исторического мгновения.)

И вместо того чтобы достать с полки все, что ему нужно, Блюмфельд сидит и смотрит во все еще не зажженную головку трубки. Он настороже, вдруг, совершенно неожиданно, его ощущение проходит, и он рывком поворачивается вместе с креслом. Но и мячи то ли настороже, то ли бездумно повинуются управляющему ими закону: одновременно с тем, как Блюмфельд поворачивается, они тоже перемещаются и прячутся за его спиной. Теперь Блюмфельд сидит спиной к столу, с холодной трубкой в руке. Мячи прыгают теперь под столом и, поскольку там ковер, едва слышны. Это большое преимущество; получают лишь совсем слабые глухие звуки, надо быть очень внимательным, чтобы их расслышать. Блюмфельд, однако, очень внимателен и слышит их хорошо. Но это только сейчас так, вскоре он, вероятно, перестанет их слышать совсем. То, что они делаются такими незаметными на коврах, кажется Блюмфельду большой слабостью мячей. Надо только подстелить им ковер, а еще лучше два, и они почти бессильны. Правда, лишь на определенное время, к тому же само их существование означает уже некую силу.

Вот когда Блюмфельду пригодилась бы собака, такое молодое, дикое животное быстро справилось бы с мячами; он представляет себе, как эта собака хватает их лапами, как сгоняет с позиции, как гоняет по комнате и наконец сжимает в зубах. Вполне возможно, что Блюмфельд заведет себе собаку в ближайшее время.

Пока же мячи должны бояться только Блюмфельда, а у него сейчас нет желания ломать их, может быть, ему для этого просто не хватает решительности. Он приходит вечером усталый с работы, и вот, когда ему так нужен покой, ему преподносят эту неожиданность. Только теперь он чувствует, как, в сущности, он устал. Сломать он мячи, конечно, сломает, но не сейчас и, наверно, лишь на следующий день. Если посмотреть на все непредвзято, то мячи вообще-то держатся достаточно скромно. Они могли бы, к примеру, время от времени выпрыгивать вперед, чтобы показать себя, а потом снова возвращаться на место, или могли бы прыгать выше, чтобы ударяться о доску стола и вознаградить себя этим за приглушение ковром. Но они этого не делают, они не хотят раздражать Блюмфельда без надобности, они явно ограничиваются лишь безусловно необходимым.

Правда, достаточно и этого необходимого, чтобы отравить Блюмфельду пребывание за столом. Он сидит там всего несколько минут, а уже думает о том, чтобы лечь спать. Одна из причин тому – невозможность курить здесь, ибо он оставил спички на тумбочке. Значит, нужно принести эти спички, а уж если он подойдет к тумбочке, то лучше, пожалуй, остаться там и улечься. Есть у него тут и задняя мысль, он думает, что мячи, в своем слепом стремлении держаться всегда позади него, прыгнут на постель и что там он их, ложась, волей-неволей раздавит. Возражение, что и остатки мячей способны, чего доброго, прыгать, он отклоняет. Необычайное тоже должно иметь свои границы. Целые мячи и вообще прыгают, хотя и не непрерывно, а обломки мячей никогда не прыгают и, значит, не будут прыгать и тут.

– Встали! – восклицает он чуть ли не с озорством, расхрабрившись от этого соображения, и шагает – мячи опять следуют сзади – к кровати. Его надежда, кажется, сбывается: когда он нарочно становится у самой кровати, один мяч тут же вспрыгивает на нее. Зато происходит неожиданная вещь: другой мяч отправляется под кровать. О такой возможности, что мячи могут прыгать и под кроватью, Блюмфельд и думать не думал. Он возмущен этим одним мячом, хотя и чувствует, как это несправедливо, ибо, прыгая под кроватью, этот мяч выполняет свою задачу, может быть, еще лучше, чем мяч на кровати. Теперь все зависит от того, какое место выберут мячи, ибо Блюмфельд не думает, что они способны долго работать врозь. И точно, в следующий миг нижний мяч тоже вспрыгивает на кровать. Теперь они попались, думает Блюмфельд, разгорячившись от радости, и срывает с себя халат, чтобы броситься на кровать. Но тот же мяч снова спрыгивает под кровать. От разочарования Блюмфельд буквально сваливается. Мяч, наверно, только осматривался наверху, и ему там не понравилось. А теперь за ним следует другой и, конечно, остается внизу, ибо внизу лучше. «Теперь эти барабанщики будут здесь всю ночь», – думает Блюмфельд, закусывает губы и трясет головой.

Это печально, хотя, в сущности, неизвестно, чем могут мячи повредить ему ночью. Сон у него отличный, слабый шум он преодолет легко. Для полной уверенности в этом он, в соответствии с приобретенным опытом, подстилает два ковра. Словно у него собачка, которой он устраивает мягкую постель. И словно мячи тоже устали и стали сонными, прыжки их теперь ниже и медленнее, чем прежде. Когда Блюмфельд становится на колени перед кроватью и направляет под нее свет ночника, ему порой кажется, что мячи навсегда угомонятся, так тихо они падают, так медленно и недалеко откатываются. Затем, правда, они снова поднимаются, как им положено. Но вполне возможно, что, заглянув под кровать утром, Блюмфельд найдет там два безобидных детских мячика.

Но кажется, они даже до утра не выдержат и прекратят прыжки раньше, ибо, уже улегшись, Блюмфельд ничего больше не слышит. Он напрягается, прислушивается, свесившись с кровати, – ни звука. Настолько сильным воздействие ковров быть не может, единственное

объяснение – мячи перестали прыгать, то ли не могут как следует оттолкнуться от мягких ковров, то ли, что вероятнее, никогда больше прыгать не будут. Блюмфельд мог бы встать и взглянуть, как же все-таки обстоит дело, но, довольный, что наконец-то стало тихо, он продолжает лежать, он даже взглядом не хочет прикасаться к утихшим мячам. Даже от курения он с радостью отказывается, поворачивается на бок и засыпает.

Но без помех не обходится; как всегда, он и на этот раз спит без сновидений, но очень беспокойно. Бесчисленное множество раз за ночь его вспугивает обманчивое ощущение, будто кто-то стучит в дверь. А он твердо знает, что никто не стучит; кто станет стучаться ночью, да еще и в его дверь, к одинокому холостяку. Но хотя он твердо это знает, он каждый раз вскакивает и несколько мгновений напряженно смотрит на дверь, раскрыв рот, вытаращив глаза, и пряди волос дрожат на его влажном лбу. Он пытается сосчитать, сколько раз его будят, но от невероятных чисел, которые получаются, голова у него идет кругом, и он снова погружается в сон. Ему кажется, что он знает, откуда идет стук, стучат не в дверь, а совсем в другом месте, но в путях сна он не может вспомнить, на чем основаны его догадки. Он знает только, что собирается множество крошечных противных ударов, прежде чем они создадут большой сильный стук. Он вытерпел бы всю противность маленьких ударов, если бы мог избежать стука, но для этого по какой-то причине время уже упущено, он тут не может вмешаться, поздно, у него даже нет слов, рот его открывается только для немого зевка, и в гневе на это он зарывает лицо в подушки. Так проходит ночь.

Утром его будит стук служанки, вздохом избавления приветствует он этот тихий стук, на неслышность которого всегда прежде жаловался, и хочет уже крикнуть «войдите!», как вдруг слышит еще другой, бойкий, хоть и слабый, но поистине воинственный стук. Это мячи под кроватью. Они проснулись, набрались за ночь, в отличие от него, новых сил? «Сейчас!» – кричит Блюмфельд служанке, вскакивает с постели, но осторожно, так, чтобы мячи оставались у него за спиной, бросается, все спиной к ним, на пол, глядит, выкрутив голову, на мячи и... чуть не раздражается проклятьями. Как дети, которые скидывают с себя ночью обременительные одеяла, мячи толчками выдвинули за ночь ковры из-под кровати настолько далеко, что снова обнажили паркет под собой и могут опять производить шум. «Назад на ковры», – говорит Блюмфельд со злым лицом и, только когда мячи благодаря коврам снова стихают, велит служанке войти. Пока служанка, женщина жирная, бестолковая, ходящая всегда так, словно аршин проглотила, ставит на стол завтрак, делая необходимые для этого манипуляции, Блюмфельд неподвижно стоит в халате возле своего ложа, чтобы задержать мячи внизу. Он следит за служанкой взглядом, проверяя, заметила ли она что-либо. При ее глуховатости такое маловероятно, и Блюмфельд приписывает это крайней своей взвинченности из-за скверного сна, когда ему кажется, что служанка нет-нет да останавливается, прислоняется к какому-нибудь предмету комнатной обстановки и прислушивается, высоко подняв брови. Он был бы счастлив, если бы ему удалось заставить служанку немного ускорить свои дела, но та чуть ли не медлительнее, чем обычно. Она обстоятельно собирает блюмфельдовскую одежду и сапоги, следует с ними в коридор и долго отсутствует, однозвучно и совсем одиночно доносятся удары, которыми она там обрабатывает одежду. И все это время Блюмфельд должен оставаться на кровати, ему нельзя шевельнуться, если он не хочет потащить за собой мячи, он должен смириться с тем, что кофе, который он так любит погорячее, остынет, ему только и остается глядеть на спущенную занавеску, за которой мутно брезжит рассвет. Наконец служанка все сделала, прощается и уже хочет уйти. Но прежде чем окончательно удалиться, она останавливается у двери, шевелит губами и смотрит на Блюмфельда долгим взглядом. Блюмфельд уже хочет призвать ее к ответу, но тут она наконец уходит. Блюмфельду больше всего хочется сейчас распахнуть дверь и крикнуть ей вслед, что она глупая, старая, бестолковая баба. Но задумавшись, что он, собственно, имеет против нее, он находит только ту нелепость, что она несомненно ничего не заметила и все-таки делала вид, будто что-то заметила. Как сумбурны его мысли! И всего-то

из-за того, что не выспался ночью! Какое-то объяснение скверному сну он находит в том, что вчера вечером отступил от своих привычек, не курил и не выпил настойки. Если я – таков итог его размышлений – не покурю и не выпью настойки, то сплю я скверно.

Отныне он будет больше заботиться о своем хорошем самочувствии, и начинает он с того, что извлекает из аптечки, висящей над тумбочкой, вату и затыкает себе уши двумя тампонами. Затем встает и делает пробный шаг. Мячи хоть и следуют за ним, но он их почти не слышит, еще немного ваты, и они совсем не слышны. Блюмфельд делает еще несколько шагов, никаких особенных неприятностей нет. Каждый сам по себе, и Блюмфельд и шары, они, правда, друг с другом связаны, но не мешают друг другу. Только когда Блюмфельд поворачивается однажды быстрее и один из мячей проделывает встречное движение недостаточно быстро, Блюмфельд натывается на него коленкой. Это единственное происшествие, вообще же Блюмфельд спокойно пьет кофе, он голоден, словно этой ночью не спал, а прошел длинный путь, он умывается холодной, необычайно освежающей водой и одевается. Занавесок он до сих пор не поднял, предпочтя из осторожности оставаться в полумраке, для мячей ему чужих глаз не нужно. Но когда он теперь готов уйти, он должен как-то позаботиться о мячах на случай, если они осмелятся – он так не думает – последовать за ним и на улицу. У него есть на этот счет хорошая идея, он открывает большой платяной шкаф и становится к нему спиной. Словно догадываясь о его замысле, мячи остерегаются внутренней шкафы, они используют каждую пядь, остающуюся между Блюмфельдом и шкафом, прыгают, если уж иначе нельзя, на один миг в шкаф, но тотчас же убегают от темноты, глубже, чем за самый край, их никак нельзя загнать в шкаф, они предпочитают нарушить свой долг и держаться почти сбоку от Блюмфельда. Но их маленькие хитрости им не помогут, ибо теперь Блюмфельд сам влезает спиной вперед в шкаф, и тут уж деваться им некуда. Но тем самым и судьба их решена, ибо внизу шкафа лежат всякие мелкие предметы, башмаки, коробки, чемоданчики, которые, правда, – сейчас Блюмфельд сожалеет об этом – размещены в полном порядке, но все-таки создают большую помеху мячам. И когда Блюмфельд, который тем временем уже почти затворил дверь шкафа, теперь большим прыжком, каких уже много лет не делал, покидает шкаф, захлопывает дверь и поворачивает ключ, шары оказываются заперты. «Удалось-таки» – думает Блюмфельд и стирает с лица пот. Как шумят мячи в шкафу! Такое впечатление, что они в отчаянии. Зато Блюмфельд очень доволен. Он покидает комнату, и уже пустынный коридор оказывает на него благотворное действие. Он вынимает из ушей вату, и многообразные шумы пробуждающегося дома восхищают его. Людей почти не видно, еще очень рано.

Внизу в подъезде перед низкой дверью, ведущей в подвальную квартиру служанки, стоит ее десятилетний мальчишка. Вылитая мать, ни одно уродство старухи не забыто в этом детском лице. Кривоногий, руки в карманах штанов, он стоит и пыхтит, потому что у него уже теперь зоб и ему трудно дышать. Но если обычно, когда на пути у него оказывается этот мальчишка, Блюмфельд ускоряет шаг, чтобы по возможности избавиться от такого зрелища, сегодня ему хочется чуть ли не остановиться возле него. Хотя мальчишка рожден на свет этой бабой и отмечен всеми знаками своего происхождения, пока он все же ребенок, и в этой бесформенной голове бродят все-таки детские мысли, если ему что-то вразумительно сказать и о чем-нибудь спросить, он, наверно, ответит звонким голосом, невинно и почтительно, а сделав над собой некоторое усилие, можно будет и эти щеки погладить. Так думает Блюмфельд, но все же проходит мимо. На улице он замечает, что погода приятнее, чем он полагал в своей комнате. Утренний туман рассеивается, и показываются полосы голубого неба, выметенного крепким ветром. Блюмфельд обязан мячам тем, что вышел из своей комнаты гораздо раньше обычного, он даже газету забыл непрочитанной на столе, во всяком случае, он выиграл благодаря этому много времени и может теперь идти медленно. Странно, как мало заботят его мячи, с тех пор как он отделил их от себя. Пока они преследовали его, можно было считать их какой-то его принадлежностью, чем-то неотъемлемо важным для суждения о нем лично, а теперь они были

только игрушкой дома в шкафу. И тут Блюмфельда осеняет мысль, что он, может быть, успешней всего обезвредит мячи тем, что употребит их по истинному их назначению. Там в подъезде еще стоит этот мальчишка, Блюмфельд подарит ему мячи, не одолжит, а именно подарит, что, конечно, равнозначно приказу их уничтожить. И даже если они останутся целы, в руках мальчишки они будут значить еще меньше, чем в шкафу, весь дом увидит, как мальчишка с ними играет, другие дети присоединятся к нему, общее мнение, что тут дело идет о мячах для игры, а не о блюмфельдовских спутниках жизни, станет нерушимым и неопровержимым. Блюмфельд бежит назад в дом. Мальчишка как раз спустился по подвальной лестнице и хочет открыть дверь вниз. Поэтому Блюмфельду надо позвать его и произнести его имя, смешное, как все, что бывает связано с этим мальчишкой. «Альфред, Альфред!» – кричит он. Мальчишка долго медлит. «Пойди-ка сюда, – кричит Блюмфельд, – я тебе что-то дам». Две маленькие девочки дворника вышли из противоположной двери и с любопытством становятся справа и слева от Блюмфельда. Они соображают гораздо быстрее мальчишки и не понимают, почему он не идет. Они кивают ему, не спуская при этом глаз с Блюмфельда, но не могут догадаться, какой подарок ждет Альфреда. Любопытство мучит их, они переминаются с ноги на ногу. Блюмфельд смеется и над ними, и над мальчишкой. Тот, кажется, наконец все уяснил себе и неуклюже, тяжело поднимается по лестнице. Даже походкой он напоминает мать, которая, кстати, появляется внизу, в двери подвала. Блюмфельд кричит во весь голос, чтобы и служанка услышала его и, если понадобится, проследила за исполнением его поручения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.